

ЭМИГРАНТСКАЯ ЛИРИЧЕСКАЯ

*В попугайном пестром гаме, с вискарем и калачом
Буду жить я вверх ногами и не думать ни о чём.*

А. Городницкий

Как по мутному по горю, по зеленой по тоске,
Уплыву я к синю морю на дюралевой доске.
За бортом оставлю беды, память выброшу в моря -
Уж уеду, так уеду: отдавайте якоря.

Рубану сплеча по детству, по непрожитой себе,
Окаянному наследству, неприкаянной судьбе,
Над ошметками поплачу, раны чёрные прижгу,
И пойду ловить удачу на далёком берегу.

Огляжусь, офигевая – здравствуй, мачеха моя,
Заграница золотая, неродимые края;
Ходят строем, аты-баты, кого хочешь выбирай –
Три коалы, два вомбата и зеленый попугай.

Не до жиру, быть бы миру, быть бы дому да деньгам –
Сотворю себе кумира, брошу мир к его ногам;
Чтобы хлеб всегда был с маслом, чтобы кофе с молоком,
Солнце красно, небо ясно, и не думать ни о ком.

Пронесу земное бремя, посажу свой райский сад,
Прыгнет время, клонет в темя – и привет тебе, вомбат.
Для чего все это было, чьи дела, кого вина,
Приюти меня, могила, объясни мне, нахрена...

Тишина. Земля сухая. Мама. Бабушка. Прости.
Я лежу, не выдыхая, пяточок зажав в горсти.
Души в небо улетают, сверху гаснут голоса,
И березка прорастает через ребра в небеса.

ТАРУССКОЕ

Не держи ты меня, мама,пусти меня,
отними от своего, мама, вымени;
не вяжи меня к подолу залятому
ветром ласковым, кострами-закатами,
летом ягодным, рассветами росными –
я уже большая девочка, взрослая...

Я в траве лежу, кузнечик пиликает,
вьётся поле кружевной повиликою,
разливается кипреем да мятою,
гладит облако метёлкой мохнатою,
синь медовая в глазах, да полынь в горсти...
мама, что же ты творишь, говорю,пусти!

Ай, кровиночка моя, да разве ж я держу?
я нисколько не держу – под тобой лежу;
хочешь, выйди, погуляй, погляди на свет,
мне удерживать тебя и резону нет:
сколь ни рваться тебе прочь, сколь ни рыпаться,
всё равно ко мне вернёшься ты – выспаться...

А комната была светлым-светла...
Как будто жизнь, непрожитая нами,
Весенним витражом в ажурной раме
Возникла вместо пыльного стекла;

А между побелённым потолком
И редкими решётками оконца
Беспечный луч полуденного солнца
Скользил небесным лёгким челноком,

Такую ткань узорную творя
Из воздуха, как патока, густого,
Что нить судьбы вплелась в её основу,
И каждое несказанное слово
Впаялось в память каплей янтаря.

ПОЛНОЛУНИЕ

Свет мой, икринка, лягушачья спинушка,
Спи до весны, не кручинься, Иринушка...

А. Тарковский

Не придумала ведьма слов от залётных стрел...
Забывтё проклятое – прочь из груди рывком.
Была боль в ребро, и растерянно ты смотрел,
Как в лягушачьих тонких лапках дрожит древко.

Ох не брать бы тебе меня – ну а как не взять,
Как не сгинуть в болотном мороке тёмных кос...
Рукавом взмахну – и озёрная ляжет гладь,
Обрастёт пером невесомая птичья кость.

И могла б остаться, так ты ведь хотел скорей,
Человечье дитя, глупыш – на себя пеняй...
То не кожа моя полыхает в печном нутре,
То горит огнём твой нечаянный зыбкий рай.

Окатило мне память жаром – живой водой,
Истлевает плоть, обнажается суть вещей;
Мне теперь – туда, где мой истинный, вечный дом,
Где ночей не спит, всё тоскует по мне Кощей.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Капели звон – печальная клепсидра
апреля. Капель четкий переплеск.
Под полусонным пологом небес
на ложе потревоженного мира
взошла весна. Ее неверен шаг.
Ее рисунок нежен и наивен.
Взгляни, как ветви вытянула ива –
дыханья просит дерева душа.

Застыли дали в пелене туманной,
манит озер задумчивая муть;
нагой земли лазоревую грудь
ласкает ветер – нежно, неустанно,
и наполняет паруса Тристана,
к Ирландии направившего путь.

Женщина пела: «ну хочешь, я выучусь шить?»,
а я говорю: ну хочешь, я выучусь ждать,
вышивать дождём по стеклу, тосковать в тиши,
а детей... детей у нас точно не будет пять.

Говорю: за порогом лес, а за лесом даль,
а за далью снег, а за снегом всё синь да синь,
прогляжу глаза, и ветрам отсчитаю дань
золотой монетой осенних родных осин.

Говорит: послушай, мы выстроим новый дом,
там, где берег крут, где река рукавом легла,
верный пёс, в очаге огонь, да поля кругом...
А мне видится чёрный ров да сырая мгла.

Говорю: построй, говорю: постой, погоди,
покажи скорей – и дом, и очаг, и пса,
напиши, да так, чтобы стало тепло в груди,
нарисуй, да так, чтобы в это поверил сам.

Говорю, только речь ручьём утекает вниз,
на луга, где разрыв-трава, на слепую гать...
всё слова, слова, тростниковый тревожный свист
на ветру, что дани моей не захочет взять.

КИТАЙГОРОДСКОЕ

Переулочек, переул...

А.А.

Скрюченный переулочек,
Стёжка, неровный шов...
От колокольни к булочной
Ровно шестьсот шагов.

«Не урони» – шептала я
Черной реке стекла;
Полночь пришла, усталая,
Стрелки на лбу свела.

Под ледяною коркою
Веточка – на излом,
Свёрнуты пальцы тонкие
Под неживым углом;

Выгнуло, переклинило:
Из-под горячих век
Киноварью рябиновой
Каплет в застывший снег.

Больно душе оттаивать
Мёрзлой порой такой –
Воздух звенит цветаевской
бешеною тоской;

Полно, не плачь, не велено
Плакать в моём раю...

Белую колыбельную
Нынче

тебе
спою.

как пролететь, не упасть, проскользнуть по краю
памяти, песни, прошлого... задыхаясь
ветром, глотком ледяного ночного света,
всем существом в себя принимая Это...

это – как сталь клинка, что под сердцем стынет,
это река, что пределом легла рябине,
слышишь... слезой кровавой исходит крона,
гроздь на дно осыпаются с тихим стоном.

что ж, собирай по крохам, плати по счёту,
встань соляным столбом за спиной у Лота;
жди, замерев, отравы, тоски, потери
веры: но разве не этого мы хотели,

разве не к этой влаге склонялись низко;
счастье не патока; горький у счастья привкус,
привкус разлук, русалочьей смертной пены,
серых теней на белых от горя стенах.

гладкость лица означает, что есть изнанка,
вот и держись за измятый подол Ананке,
крепче держись, ибо что ещё остаётся
ровно на полпути от луны до солнца...

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Спи, мой любимый, долгий ждет сон и вещей.
Осень засыплет листьями дни и вещи,
Шар золотой коснётся земного края –
Мир шелестит и дышит, звенит и тает.
Воздух сгущен закатный, и явь дробится
Пеной морской: успокоились звери, птицы,
Рыбы, драконы, горы, моря и реки.
Я поцелую ресницы твои и веки,

Песню спою, на лоб положу ладони...
Ветер ковыльный, звездный туман, и кони
Тихо переступают во мгле лучистой...
Спи-засыпай, мой ласковый, лучший, быстрый,
Сильный, упрямый, прямой, непростой, негибкий –
Радугой над тобою моя улыбка,
Пологом голос, и руки – крылом лебязьим;
Ночь пролетит, проснемся и снова ляжем.
Нас не разнять, мы слиты в одно – родимый,
Спи, моя радость, годы проходят мимо,
Нас не касаясь: время отныне наше –
Не расплескаться винам в небесной чаше,
Не расплестись корням в подземельной толще:
Буду любить все глубже тебя, все горше,
Оберегать, высматривать острым взглядом...
Спи, мой любимый,
Я буду рядом.